

22 ЯНВ 1969

г. УРАЛЬСК

О ЧЕХОВСКИХ СПЕКТАКЛЯХ

ЭТО — не рецензия на спектакли, которые идут на сцене областного театра, а отдельные мысли, возникшие во время спектакля. Они, естественно, не претендуют на полный критический разбор новой работы режиссера А. Н. Титкова, не преследуют своей целью разобраться полно и в игре артистов, и в оформлении спектакля. О новой странице в деятельности нашего театра нужно поговорить серьезно, ибо здесь мы имеем дело с истолкованием произведений классика русской литературы.

А. П. Чехов — явление сложное как, впрочем, и многие другие большие художники слова. В творческой биографии его следует выделить, по крайней мере, два периода: период Антоши Чехонте и период А. П. Чехова. Правда, подобное деление носит условный характер, но, тем не менее, начальный период творчества писателя, при всей смелости отдельных картин и образов, зачастую характеризуется слабостью социального анализа явлений. Совершенно другое видим мы в творчестве А. П. Чехова во второй половине 80-х и в 90-е годы, когда писатель не только отвергал старое, отжившее, но и пробуждал мечту о новом мире, звал к новой жизни. Таков, например, смысл последнего рассказа А. П. Чехова «Невеста». «Главное — перевернуть жизнь, а все остальное не нужно», — говорит один из персонажей рассказа, и эти слова воспринимаются не столько как выражение мечты о перевороте в личной жизни Надежды, героини произведения, сколько как желание изменить жизнь вообще. Не случайно М. И. Калинин говорил о том, что Чехов «ободрял нас, вселял непримиримую ненависть к деспотизму, к полицейщине».

Имея в виду эти две основные линии в творчестве писателя — отрицание старого и утверждение нового — нужно было и строить программу чеховских спектаклей. Театр отказался от постановки крупных драматических произведений писателя таких, как «Чайка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», решив сосредоточить свое внимание на ранних произведениях: «Живой товар», «Юбилей», «Свадьба». Программа в таком виде кажется несколько искусственной хотя бы потому, что в ней представлено только творчество молодого Чехова, причем в этих спектаклях прозвучала только одна сторона творчества автора «Крыжовника» и «Невесты» — отрицание старого мира, протест против мещанской ограниченности, косности. Но ведь это не весь Чехов. Творчество его ценно для нас, прежде всего, глубокой верой в победу лучших сил, настоящих человеческих стремлений, верой в историческую неизбежность прекрасной, счастливой, новой жизни, о которой так мечтал писатель, хотя и представлял себе эту новую жизнь не совсем определенно. Угустить это — значит показать зрителям Чехова только с одной стороны, оставив без внимания другую, не менее ценную. «Художник жизни», как назвал Чехова Л. Толстой, он стремился изобразить действительность всесторонне, но эту широту изображения русской жизни вряд ли можно найти в постановке театра. Все это позволяет сказать, что программа чеховских спектаклей была продумана неглубоко. В нее было включено такое произведение, как «Живой товар», которое не представляет большой ценности и не является характерным для писателя. Известно, что, когда Чехов готовил полное собрание своих произведений (в изд. А. Ф. Маркса), он, в числе других, не включил в него и рассказ «Живой товар», написанный еще на заре его писательской деятельности (в 1882 г.). Этого факта нельзя не учитывать.

Но дело сделано. «Живой товар» идет в театре. Режиссер А. Н. Титков является автором инсценировки, в общем-то удачной, сохраняющей центральные мотивы и сюжетную основу рассказа. Интересной находкой режиссера следует признать введение в спектакль роли автора А. П. Чехова (исполнитель — артист А. Г. Апекимов), что позволяет сделать рассказ подвижным, сценичным. Образ Чехова тем более важен, что он позволяет глубже проникнуть в психологию героев, понять причины их поступков. В инсценировке «Живого товара» с подъемом играет артист О. С. Печников, выступающий в роли Грохольского. В образе, созданном артистом, подчеркнуты трусость, незнание жизни, неопытность, пустословие. Особенно отчетливо эти черты выступают во второй картине, когда в силу обстоятельств Грохольский вновь сталкивается с Бугровым. Неверно понять и режиссером, и исполнителем В. Т. Воротниковым характер Бугрова. Артист стремится сделать в нем главные черты активности, наступательный дух. Бугров-Воротников сразу же, после своего первого появления, воспринимается в качестве «хозяина» жизни, привыкшего повелевать другими, но ведь это, особенно в первой картине, — совершенно не верно. Если внимательно вчитаться в текст чеховского рассказа, то можно заметить одно немалое обстоятельство, мимо которого никак нельзя пройти ни режиссеру, ни артисту: характер Бугрова раскрыт писателем в развитии, в укреплении новых

качеств, а именно — качеств «хозяина» жизни, угнетателя и деспота; именно таким предстает перед нами Бугров в финале рассказа, когда его жертва — Грохольский — вынужден признать: «Он деспот, тиран... Он благородный человек, но тиран. У него не развиты ни сердце, ни мозг...». Таким Бугров становится в ходе повествования. Артист Воротников наделяет своего «героя» подобными чертами сразу, лишая тем самым характер возможности развития, борьбы различных чувств; образ получается статичным, лишённым движения. Спорным представляется поведение Бугрова-Воротникова и во время получения значительной суммы денег от «покупателя» Грохольского; стоять на коленях и буквально «пересыпать» ассигнации — конечно, это очень эффектная поза, действующая на зрителя, но вряд ли она в характере Бугрова. Ведь в дальнейшем Бугров-Воротников предстает перед зрителем человеком, умеющим владеть своими мыслями и чувствами. И почему он не реагирует столь же бурно, когда слышит слова Грохольского, дарящего ему более крупное богатство: не сто пятьдесят тысяч рублей, а целое имение? Здесь он деловито ведет разговор с Грохольским, не теряя ни разу способности спокойно обдумать предложение.

Из всей программы чеховских спектаклей, как несомненный успех режиссера и артистов, следует выделить «Юбилей». Этот спектакль действительно яркое, смелое, поставлено в быстром темпе, что позволяет держать зрителя в напряжении, заставляет его бурно отвечать на все происходящее на сцене. Для постановки небольшого спектакля подобран коллектив, члены которого хорошо понимают друг друга. Пожалуй, трудно кого-либо выделить, каждый по-своему хорош, своеобразен, в каждом есть свое смешное, которое, взятое воедино, позволяет придать спектаклю поистине водевильный характер. Декорации, обстановка в «Юбилее» просты, неприязнательны, — и это обстоятельство имеет положительное значение: ничто не отвлекает внимание зрителей от действия, разворачивающегося на сцене. Артист Воротников создает здесь интересный образ, игра его отличается естественностью, верным пониманием характера Шипучина, председателя правления коммерческого банка. Это — бездельник, любитель легкой жизни, далекий от того общества, которым он руководит, по-зверь; понаблюдайте за ним — и вам станет понятно, что он, прежде всего, заботится о себе, своем «авторитете», для чего и устраивает юбилей. Артисту хорошо удалось передать такую изнеженность всего облика Шипучина, его лень и легкомыслие. Колоритен артист С. Ф. Даров в роли бухгалтера банка Хирина, смешного в своей ненависти к женщинам и всего, что связано с ними. Артистки Л. П. Апекимова и К. С. Тавлинская различными средствами создают сходные в своей сущности образы «набитых дур» — жены Шипучина Татьяны и жены губернского секретаря Мерчуткиной.

Последний спектакль — «Свадьба» — широко известный чеховский водевиль. В нем имеются любопытные детали в игре артистов. Например, Апломбов (артист Б. С. Ветров) подобно механическому человеку, выплывает на сцене. Весь его вид, все его поведение — претензия на значительность, важность, хотя нет никаких оснований для такого поведения. Его, очевидно, собственный серьезный шаг — женитьба — восхищает, и он ожидает такого же со стороны присутствующих. Артист несколько шаржирует поступки, характер Апломбова, но в данном случае это совершенно естественно.

Водевиль «Свадьба» — это главное выступление против мещанского мира, где царят равнодушие к другому, духовная бедность, любовь к рублю. Чехов разблачивает стремление отдельных представителей этого мира к «интеллигентности» — и артистам О. В. Игнатовской, О. А. Мухомовой, Л. Н. Протасовой удается разблечь гнусность чеховских персонажей. В этот мир попадает человек иных взглядов, капитан П. ранга в отставке Ревунов-Караулов, влюбленный в морскую службу. Исполнитель — артист С. Ф. Даров не скрывает многочисленных недостатков этого персонажа, но он отмечает, прежде всего, чистоту, прямоту суждений, непосредственность капитана. В «Свадьбе» почти каждый играет уверенно, но в целом в спектакле отсутствует законченный ансамбль, что явилось результатом нечеткости режиссерского почерка, отсутствия строгой продуманности эпизодов.

Постановка чеховских произведений, как и постановка произведений других классиков — дело сложное и ответственное. Оно не терпит ни малейших промахов, просчетов. Но в данном случае, к сожалению, приходится говорить о том, что работа не доведена до конца, что в спектаклях встречаются немалочисленные существенные недостатки — как в режиссерском толковании некоторых образов и эпизодов, так и в игре отдельных артистов.

Н. ФОКИН,
преподаватель пединститута.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Живой товар». Лиза — Л. Апекимова, Грохольский — О. Печников.

Фото Ю. Панченко.